

КРЕСТЬЯНСТВО И КОМУЧ (К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС)

Анализ настроений крестьянства, составляло абсолютное большинство населения России, имеет принципиальное значение для понимания процессов и итогов такого переломного момента отечественной истории как гражданская война начала XX столетия. Не случайно исследователи все чаще стремятся рассматривать его в качестве самостоятельного лагеря последней.

Целью настоящей статьи является попытка исследования позиций крестьянской массы через призму ее отношений с одной из альтернативных политических линий того смутного времени, выраженной эсэровским «третьим путем». Наиболее классически он был представлен, как известно, властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре (Комуч).

Интерес к его деятельности возникает еще в 1920-е гг. и продолжает теплиться на протяжении всего периода советской истории¹. Затрагивая деятельность Комуча в целом, авторы закономерно освещали и его крестьянскую политику, и реакцию на нее деревни. При этом наблюдалась активная концептуальная эволюция в сторону показа резкой враждебности сельского населения к Комитету членов Учредительного собрания. Блестящим выражение данного процесса может служить сравнение подборки материалов двух хроник (В. Троцкого² и Ф. Попова³). Если в хронике В. Троцкого, изданной в 1929 г., можно наблюдать хотя и представленную под соответствующим оценочным углом и в определенной дозировке, но все еще многоцветную палитру взаимоотношений крестьянства с властью Учредительного собрания (поддержки, нейтралитета, враждебности), то увидевшая свет в 1972 г. хроника Ф. Г. Попова явно смешает акценты на ситуацию враждебного противостояния. По умолчанию подразумевались теплые чувства к идеям и практике большевизма, изначальная просоветская настроенность крестьянства.

Уход в историческое прошлое советской системы во главе с КПСС привел к коренной смене оценочных подходов. В центр внимания встает «гнусная политика» большевиков в деревне и, соответственно, резкая враждебность крестьян к коммунистическому режиму⁴. Понятно, что система взаимоотношений крестьянского населения с противниками совдепии (конкретно с Комучом) начинает приобретать идиллическую оценку. Данную коренную «смену вех» можно обнаружить уже в вышедшем в 1991 г. обобщающем труде «Наше Отечество (Опыт полити-

ческой истории»). Его создатели прямо утверждают, что отношения Комитета с крестьянством складывались значительно более удачно, чем у большевиков. Пишут о гигантских запасах хлеба по дешевой цене (несколько сот тысяч пудов по 30 руб. за пуд), обнаруженных при взятии Самары Красной армией, о предложении в начале июля Советской власти (оставленном без ответа) свободного пропуска для закупки хлеба⁵. При отсутствии сноски трудно сказать, из каких источников почерпнуты эти сведения. Но имеющиеся в распоряжении автора архивные данные и материалы периодической печати, наоборот, говорят о ситуации хлебного дефицита, причем катастрофически нарастающего⁶. Факты свидетельствуют об основных поступлениях сельхозпродукции в Самару в период власти Комуча преимущественно извне, а не с подвластных ему территорий, и благодаря помощи иностранных миссий. Не случайно с конца июля Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания буквально молился на французские консульство и военную миссию, упрашивая их о передаче Самарскому губернскому продовольственному комитету адресованных им из Сибири хлебных грузов. И с облегчением и восторгом принял удовлетворение мольбы⁷. Данная продовольственная зависимость от французского благодетеля продолжала нарастать⁸.

Приходится констатировать, что проблематика отношений между крестьянством и Комучем, связанных с ними социально-политических настроений деревни все еще не поставлена на солидную научно-исследовательскую основу. Оценочная сторона ситуации выстраивается не на беспристрастном изучении фактического материала, а явно на основе политической конъюнктуры. Бросается в глаза игнорирование основополагающего принципа исторических исследований - рассматривать явление в процессе его развития, а не статично (по какой-либо удобной для заранее готового вывода точке, распространяя затем его на весь период).

Источниковой базой настоящего исследования послужили в первую очередь выведенные из под грифа секретности документы фондов Самарского Комуча, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области. Особый интерес представляет фонд Р-4140 (Самарское губернское отделение Центрального агитационного культурно-просветительного отдела Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания). Этот отдел был создан не только для разрешения идеологических задач, но в не меньшей степени для сбора информации о складывающейся на территориях Комуча ситуации на местах. Не случайно Комитет требовал от него не только регулярного поступления конкретной и подробной информации (каждые две недели), но и ее объективности и отсутствия прикрас⁹. Важные для раскрытия темы документальные и

нarrативные материалы можно также обнаружить в фонде Самарского Истпарта, сохранившиеся в Государственном архиве социально-политической истории Самарской области (ГАСПИ СО).

При написании настоящей статьи использовались материалы периодической печати: официоза Комуча - «Вестника Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания», а также газет основного противника «третьего пути» - большевиков (прежде всего «Приволжская правда»). Понятно, что подборка фактического материала в них страдает определенной дозированностью и тенденциозностью. Не случайно власти Учредительного собрания, например, жестко предупреждали свои уездные отделения Агитационного культурно-просветительного отдела о недопущении предоставления ими материалов в газеты, минуя центральный отдел¹⁰. Но также понятно, что при соединении двух полярностей можно в итоге получить достаточно целостную и объективную картину, особенно при сравнении с архивными данными.

Интересную информацию содержит меньшевистская печать (газета «Вечерняя заря»), выражающая хотя и лояльную, но одновременно и независимую по отношению к власти Комуча позицию РСДРП (объединенной). О достаточно высокой степени объективности представленных на ее страницах сведений свидетельствуют в частности те «громы и молнии», что обрушивали на подобную печать официальные власти¹¹.

Богатый фактический материал для изучения проблемы (если абстрагироваться при этом от оценочных нюансов) предоставляют хроники И. Блюменталя¹², В. Троцкого, Ф. Попова. Будучи в 20-30-е годы видными сотрудниками Самарского Истпарта, при подготовке своих хроник они использовали широчайший блок архивных материалов, воспоминаний, материалов периодической печати, часть из которых на сегодняшний день утрачена. Использован при подготовке статьи также ряд сборников документов и воспоминаний.

Указанная источниковая база исследования при использовании метода комплексного подхода и сравнительного анализа фактов позволяет автору надеяться на успешный анализ поставленной проблемы.

Выступая 4 сентября 1918 г. в помещении «Олимпа» с докладом об истории подготовки и осуществлении антибольшевистского переворота в Самаре, один из лидеров Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания П. Д. Климушкин говорил: «Мы убедились в необходимости бросить все свои силы в крестьянство и так и сделали. Но это был медленный процесс. Нужна была огромная встряска извне, какой-то грандиозный удар, чтобы убить апатию, рассеять безверие»¹³.

Такая встряска вскоре последовала.

Большевистский режим был свергнут в Самаре совместным ударом восставших чехословаков извне и созданного Комитета изнутри. 8 июня

установилась власть Комуча. Основным противником был объявлен «левый большевизм» - Советская власть, как более опасный на данном этапе в сравнении с «правым большевизмом» - белым движением. Успех необходимо закрепить и распространить из Среднего Поволжья на всю территорию России. Осуществление этой задачи руками братьев чехословаков было делом малореальным. Необходимы свои силы! Деятели Комуча надеялись, что эти силы должно дать крестьянство. И тут бросается в глаза любопытный момент, момент совпадения позиций власти Учредительного собрания с позицией белого движения. Комуч тщательно отождествляет борьбу с Советской властью с борьбой против «германской угрозы» (пресловутая идея германобольшевизма)¹⁴. Но почему? Ответ можно найти, прежде всего, в настроениях деревни.

Попытки определить их в отношении смены власти Советов на власть Комитета членов Учредительного собрания, опираясь на резолюции официальных съездов и собраний, видятся малосостойтельными. Во-первых, подавляющий состав подобных форумов был представлен не крестьянином-обывателем, а партийными силами, настроенными резко антибольшевистски и проучредиловски. Во-вторых, имелись вполне реальные опасения репрессивной реакции в случае несоответствия резолюции официально провозглашаемой политике¹⁵. Однако на местах ситуация имела уже более реалистичное отражение настроенности масс.

Без сомнения, замена Советской власти режимом Комуча вызвала определенный раскол деревни. Часть крестьянства заняла четко пребольшевистские и антиучредиловские позиции. Классическим примером может служить образование Петропавловской республики (села Петропавловка, Елховка, Кандабулак и др.), продержавшейся до середины июля 1918 г., когда она была разгромлена казаками члена Комуча атамана А. И. Дутова¹⁶.

Другая часть немедленно повернула в сторону власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, оказывая ей практическую помощь в вооруженной борьбе с советскими силами. Во многом этому способствовали левацкие перегибы в практической политике местных большевистских властей¹⁷. Докладывая еще 8 июня 1918 г. на заседании Симбирского комитета РКП(б) о своей командировке по региону Среднего Поволжья по поручению Революционного штаба Симбирской губернии большевик Панин сообщал: «Наткнулся на ряд самочинных действий совдепов (представляет документы) - реквизиция товаров, самовольная реквизиция по усмотрению совдепов, в особенности среди беднейшего населения крестьянства, подрывает авторитет Советской власти»¹⁸.

Если учесть данный аспект, то становится понятно, почему, к примеру, в той части Вольского уезда, которая оставалась под большевис-

тским контролем, наблюдался успех пропагандистской работы Комуча, проявлявший себя в отказах от мобилизации в ряды Красной армии и притоке добровольцев в войска Комитета. А на подконтрольной Комучу части уезда собрания крестьян проходили в атмосфере «высшей меры доброжелательного отношения к новой власти», большевистских выступлений совсем не наблюдалось, а одно село даже пожертвовало на нужды Народной армии тысячу пудов хлеба и большое количество фуража и картофеля¹⁹.

Срабатывали также личностные связи крестьян с представителями власти Комитета членов Учредительного собрания. В отчете агитатора-добровольца А.В. Большакова о его пропагандистской поездке по Самарской губернии (посетил 19 волостей) читаем: «Самароковка небольшое село и население его находится всецело на стороне Учредительного собрания. Это родина Климушкина, которого знают во многих селах, где я проезжал и где его, можно сказать, боготворят». Но соседнее с Самароковкой Колдышбаш - «огромное село и большевистски настроенное, к Климушкину враждебное отношение»²⁰.

Представители Комуча нередко сгущали и краски большевистского произвола, и антибольшевистские настроения деревни. Все тот же Большаков, сообщая о регионе своей поездки, что «эта местность сильно пострадала от большевиков: накладывали контрибуции, били нагайками», тут же впал в противоречие на примере двух соседних деревень. Если жители Левинки во время боев сил Комуча с «насильниками большевиками» под огнем снабжали первые водою и провиантом, то левинцы жаловались ему на находящуюся в 5 верстах Орловку, «которая держит себя нейтрально и до сих пор ничего не дает»²¹. Правда, Большакову удалось переломить там ситуацию. Жители Орловки обещали пожертвовать на Народную армию 1 тыс. руб. денег, муку и другое продовольствие, давать подводы. Среди молодежи началась вербовка добровольцев. Но агитатор тут же и признался: «Успех объясняю тем, что я у них когда-то был народным учителем»²².

Абсолютизировать политический раскол деревни неправомерно. Четкие политические пристрастия проявила меньшая часть крестьянского населения. Подавляющая же часть заняла первоначально откровенно выжидательную позицию²³. Попытки объяснить ситуацию деятельностью «некоторых шептунов» видятся малосостоятельными. Крестьянство ожидало конкретных практических шагов новых властей по дальнейшему разрешению далеко еще не решенных революционными событиями насущных для него проблем (аграрный вопрос, снабжение промышленными товарами и т.п.), объявив позицию нейтралитета, а в прифронтовых регионах - пассивного содействия обеим противоборствующим сторонам²⁴: посмотрим и сравним с большевиками.

В своем обращении к крестьянскому населению Комитет членов Все-российского Учредительного собрания обещал разрешить все эти проблемы²⁵. Крестьянство выжидало. Но при этом откровенно выражало свое негативное отношение к втягиванию себя в гражданскую усобицу, в которой видело не более чем межпартийную расплю:

— волости Матвеевская, Ефремо-Зыковская, Емельяновская, часть Новобогородской и Баклановской - митингуют по поводу призыва в Народную армию, опасаясь, что их «могут сделать защитой одной какой-либо партии» и заставить воевать «с своими же братьями по ту сторону Волги»²⁶;

— Поповка - Родине помочь готовы «всем чем могут», но «избегая междуусобной войны с родными братьями, находящимися в лагере большевизма»²⁷;

— Кинель-Черкассы - «жмутся и упираются от Народной армии, объясняя тем, что не нужно гражданской войны и что можно было без нее обойтись, если бы не партии»²⁸;

— Елшанка - заявляют, что «для партийной борьбы они солдат не дадут»²⁹.

Подобные факты можно излагать и далее, но суть ситуации и так ясна. Надежда Комуча на добровольцев из крестьян, на их активное содействие оказалась призрачной. «В первые дни мы встретились с величайшими трудностями, - признавался П.Д.Климушкин. - Реальная поддержка была ничтожна. К нам приходили не сотни, а только десятки граждан»³⁰.

30 июня последовал приказ Комитета о принудительной мобилизации в армию молодежи 1897 и 1898 годов рождения. Учитывая отношение деревни к гражданской войне, он и прикрыл его пресловутой идеей германобольшевизма, надеясь сыграть на патриотических чувствах. Крестьянство в ответ саркастически ухмыльнулось.

Возьмем для примера Емантаевку, настроение жителей которой определялось как «антибольшевистское, злобное и за Учредительное собрание». Однако значительная часть призывников предупреждала, что пойдут, но устроят в частях забастовку. «Нас берут для того, чтобы идти против братьев. Против немцев мы не пойдем, вернее не сможем идти, так как у нас нет оружия, да и далеко еще немцы, их не видно, и что, мол, за такая Самарская губерния, что она и Учредительное собрание собирает, и армию создает, и немцев прогнать собирается. Нет, тут опять борьба партийная, а участвовать в гражданской войне не желаем»³¹.

Волости в массовом порядке принимали резолюции с отказом дать призывников, саботировали призыв. В Самарском уезде, например, из 40 волостей на начало августа 5 вообще не дали ни одного человека³².

Столь же провальной картина была и в других уездах, особенно находившихся в прифронтовой зоне. В Бугурусланском уезде «волости Сарай-Чирская, Покровская, Матвеевская, Пономаревская и Семантаевская на волостных сходах вынесли постановление не давать ни одного солдата»³³. В Ставропольском уезде: «В Ставрополе призыв идет хорошо, а из уезда никто не является». К середине июля прибыло всего 3 человека³⁴.

Более стабильно ситуация с призывом складывалась лишь у мусульманского сельского населения губернии. Объясняется это, по всей видимости, надеждой на скорейшее разрешение национального вопроса³⁵. Сказывалась и исторически сложившаяся значительно большая забытость этой части крестьянства, более характерная для нее психология покорности властям, связанная с религиозными мировоззренческими аспектами и более низким уровнем образования и культуры.

Но в целом мобилизация проваливалась. И Комуч приступил к насилиственной ее реализации при помощи мобилизационно-карательных отрядов и военно-полевых судов. Действия этих отрядов наглядно характеризует сообщение из Ставропольского уезда, что они поступают «очень грубо и жестоко», что если кто из новобранцев опоздает явиться на 5 или 10 минут, то «начинают сечь во всех волостях»³⁶.

Настроение деревни изменилось. В Бугурусланском уезде, например, по воспоминаниям известного самарского краеведа и очевидца событий Ф.Г.Попова, «в первое время многие крестьяне с одобрением встретили программу новой власти». Но затем «отношение крестьян к власти стало резко враждебным. Эта враждебность особенно ярко выявилась после того, как Комуч объявил призыв в армию молодежи рождения 1897 и 1898 годов»³⁷.

С бойкотом призыва ранее сталкивалась и Советская власть. Ей крестьянство также демонстрировало свое нежелание втягиваться в гражданскую войну³⁸. Но также заметно, что демонстрация эта не носила еще столь напряженного и массового характера, как в случае с Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания, где на проблему гражданской войны (которая воспринималась селом как чуждая межпартийная усобица) насылились еще и иные, уже впрямую касающиеся интересов крестьянской массы. В первую очередь - аграрная.

Известно, что за основу решения аграрного вопроса Комуч к неуклонному исполнению принял те десять пунктов основного закона о земле, что был утвержден 5 января 1918 г. Учредительным собранием. Закон отменял право частной собственности на землю и передавал ее недрами, лесами и водами в народное достояние³⁹. Но далее приказом от 22 июля объявлялось, что «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 год как в трудовых, так и в не трудовых

хозяйствах принадлежит тому, кто их произвел»⁴⁰. Последовавшие разъяснения гласили, что если эти посевы были зимой или весной разделены между гражданами, то они остаются за получившими их лицами (разделы после 1 июня 1918 г. объявлялись уже недействительными), но они обязаны возместить прежнему собственнику все затраты⁴¹. Результат - весомые выплаты крестьянства бывшим владельцам земель. В Таллинской волости Бузулукского уезда, к примеру, власти обязали крестьян заплатить помещику Аржанову за переданную им бесплатно Советской властью землю по 50 руб. за десятину⁴². На села Колывань, Вязовку, Каменку и целый ряд деревень Самарского уезда за использование помещичьих земель легла контрибуция по 100 тыс. руб. на каждую деревню. Весь хлеб и урожай, посеянный и убранный крестьянами, брался под арест, «пока они не внесут плату»⁴³.

К тому же, как мы заметили, Комуч остановил процесс дальнейшего аграрного передела ситуацией на 1 июня и установил исключительное право государственной собственности на урожай с остающихся как следствие за посевщиками посевов⁴⁴.

Это означало не только приостановление решения аграрного вопроса, но и частичное обратное обезземеливание крестьянства. Крестьяне-беженцы слезно молили из Натальинской волости разрешить им воспользоваться посевом ржи, принадлежащей графу Орлову-Давыдову: «Нас всех 250 душ здесь, мы ничего не имеем, так что многим из нас приходится буквально голодать»⁴⁵. Самарским уездным уполномоченным В.И. Курковым просьба была передана в Самарский губернский продовольственный комитет, который возвратил ее 3 августа с предложением крестьянам обратиться в другие учреждения, так как «это вне компетенции губпродкомитета»⁴⁶. Жители села Троицкого указывали, что на 587 душ населения у них лишь 180 десятин земли. Но имеются 600 десятин земли помещицы Брянчениновой, которую они у нее ранее снимали в аренду за отработки. Однако с переходом земли «к обществу» она пустует, а они, лишившись земли, «впали в крайнюю нужду и нищету»⁴⁷. Просили о «скорейшей передаче помещичьей земли в руки местных крестьян» сельчане Воздвижки и хутора Софийки. Указывали, что помещики говорят, что «земли они вовсе не получат», а для охраны этих имений «высланы войковые отряды». Жаловались на высокие расценки за землю, на сильное вздорожание и совершенное исчезновение предметов первой необходимости⁴⁸. Просила передать им имение помещика, оставив ему «земли по общей норме» и деревня Козловка⁴⁹.

Вполне понятно и абсолютно закономерно, что в подобной ситуации крестьянство возвращалось к практике осуществления «черного передела» явочным самочинным порядком⁵⁰. Комитет же членов Всерос-

сийского Учредительного собрания вместо разрешения проблемы по существу подтвердил и усилил опасения крестьян, указав, что в случае посягательств на посевы прежним владельцам следует обращаться к помощи воинских сил⁵¹. А управляющий военным ведомством Комуча Н.А.Галкин издал на этом основании приказ, требующий от начальников гарнизонов, комендантov и начальствующих лиц военного ведомства «в случае надобности применять вооруженную силу и не останавливаться ни перед какими мерами воздействия на виновных»⁵².

Прежние владельцы земель расценили подобные действия власти Учредительного собрания как политику по восстановлению их старых прав. Начали активные попытки их реализации (вплоть до продажи имений иностранцам⁵³).

Складывающаяся в результате в деревне ситуация красноречиво отражена в появившейся 26 июля в меньшевистской газете «Вечерняя заря» статье под характерным названием «Мертвцы оживают» (ее содержание абсолютно подтверждается многочисленными архивными данными). Автор статьи отмечал, что в селах, особенно где наличествуют помещичьи имения, «настроение подавленное, напуганное». Жестокие расправы с подозреваемыми лицами и, главным образом, возвращение помещиков - «внушают населению дурные предчувствия, предположения и нервируют так», что всякий появившийся в селе новый человек «является причиной какой-то зловещей, внутренней паники». «И в то же время прекрасно и свободно чувствуют себя вернувшиеся в свои владения помещики и приживалы дореволюционной власти, - эти «бывшие люди» нашего времени. Они разъезжают, облеченные в отличия и доспехи, по деревням, снимают какие-то «допросы», расставляют караулы по своим владениям, грозят казаками, «баранным рогом» и т.д.»⁵⁴.

Деревня сделала соответствующие выводы. Из сообщения Ставропольского районного агитатора 2-го района от 29 августа 1918 г. (сохранины стиль и орфография документа): «Крестьянство сильно волнуется на вопросе о власти когда им станешь разъяснять что такое настоящая власть они говорят что большевики мучали нас и издевались и грабили нас и настоящая власть то же самое делает. Приезжают бьют плетьми и не знаешь за что и даже убивают и расстреливают»⁵⁵. Волостное село Полудни Бугурусланского уезда: «Жители говорят, что как грабили при большевиках, также обижают теперь»⁵⁶.

Крестьяне вновь увидели, чего стоит заявление Комуча о «бесповоротном переходе» земли в народное достояние, о том, что не будет допущено «никаких попыток к возврату ее в руки помещиков», что все сделки купли-продажи и залоги на землю запрещаются, тайные и фиктивные сделки «объявляются не действительными», а «виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности»⁵⁷.

Еще в начале августа 1918 г. уполномоченный Комитета членов Учредительного собрания по Самарскому уезду В. С. Курсков обеспокоено отметил резкое изменение ситуации и настроений крестьянства⁵⁸. Одновременно он проговорился еще об одной проблеме: «В особенности население насторожилось после того, как по северной части уезда прошел отряд казаков, круто расправившихся и с виновными и невиновными в причастности к большевизму. Способствовали в некоторых случаях этой расправе и милиционеры»⁵⁹.

Как известно, эсеровский «третий путь» игнорировал реалии резкой социальной и политической поляризации и раскола российского общества начала XX в. Напротив, он был четко ориентирован на идеи классового консенсуса⁶⁰ и «чистой демократии». Практическим претворением этой линии была, в частности, замена Советов на земские органы самоуправления. Факты свидетельствуют, что данный аспект мало затрагивал крестьянские массы, которые нередко ограничивались здесь простой сменой вывески (вчера переименовали земство в Совет, а гласных - в депутаты, сегодня - наоборот), либо вообще игнорировали ситуацию, не став даже менять снова вывеску⁶¹.

Ориентация Комуча закономерно вела его к подбору специалистов в исполнительные структуры по принципу «внепартийности и внеклассовости». В своей декларации Комитет четко утвердил данную практику, указав, что свои акты и приказы будет проводить через «людей опыта и знаний»; что самые ответственные посты «готов поручать лицам, пригодным к делу управления и могущим принести пользу национальному возрождению России, независимо от их связи с той или иной партией»⁶². Понятно, что большевики и их политические союзники не имелись в виду. Меньшевики и кадеты сами дистанцировались от участия в новых властных структурах, заняв позиции более или менее дружелюбного, но все же нейтралитета. Тогда кто же эти «внепартийные» и «внеклассовые» лица? Были ли они действительно такими? Способны ли они были преодолеть свои убеждения и мировоззренческие идеалы?

Не станем вспоминать, что инициаторы состоявшегося 28 июня в Самаре собрании офицеров призывали к созданию нового боевого союза для борьбы не только с большевиками, но и с эсерами во имя «создания собственных корниловых»⁶³. Не будем вспоминать такие имена, как возглавивший военное ведомство Комуча ярый монархист Н. А. Галкин, как назначенный главнокомандующим Народной армией В. О. Каппель, как торжественно введенный в состав Комитета членов Учредительного собрания и утвержденный особоуполномоченным его по Оренбуржью атаман А. И. Дутов. Забудем, что ряд видных деятелей партии социалистов-революционеров и Комуча (К. С. Буревой, В. К. Вольский,

И.С.Дашевский, Н.И.Ракитников, Н.В.Святыцкий и др.), счастливо, а то и чудом, избежавшие после падения власти Учредительного собрания репрессий кappелевцев и расстрелов Дутова, признали в 1919 г. свою ошибку, констатировав в результате гибельную эволюцию режима в сторону «господства разнужданной военщины»⁶⁴. Вернемся в деревенскую глубинку.

В.С.Курков упомянул деяния казаков Дутова при участии милиционеров. При этом он отметил, что качественный состав милиции «стоит не на высоте своего положения», что «большинство не отвечает требованиям, которые предъявляются к ним жизнью и существующими законами»⁶⁵. Самарский уездный уполномоченный не расшифровал, что же конкретно скрывается под этими фразами. Но многочисленные свидетельства с мест, из разных уездов раскрывают картину. Например, отчеты пропагандистов из Абдулинского района свидетельствуют, что местные кулаки и контрразведка «работают заодно», «пьянствуют по шинкам» и «сговариваются кого надо припугнуть, а кого надо арестовать». Что «много бывших стражников попали в Народную армию, милицию и на другие, подчас ответственные, посты»⁶⁶. Что прибывший отряд требует у старосты обеда, солдаты размещаются по дворам и добиваются, чтобы «им подавалось мясо, сало, яйца», требования просятся и на мед. Вопрос об оплате за продукты приводит к аресту. Что «действия контрразведки в лице Глухова производят не лучшие впечатления, не говоря уже о бессистемности и беспричинности арестов, который на требование председателей самоуправлений предъявить документы - показывает револьвер, объясняя, что в этом заключается все»⁶⁷. На VI губернском крестьянском съезде, состоявшемся в сентябре 1918 г., в сообщениях с мест по Бугурусланскому уезду прямо отмечалось, что милиция отбирает у крестьян имущество по указанию помещиков⁶⁸.

Впоследствии управляющий делами Комуча Я.С.Дворжец дал краткое, но весьма емкое обобщение ситуации: «Что делалось в провинции, где каждый начальник части, каждый комендант был царем и богом - понятно без слов»⁶⁹. Отсюда закономерно формировались настроения и отношения крестьян к режиму «демократии Учредительного собрания». Лектор-организатор Н.В.Витевский в начале августа докладывал из упомянутого Абдулинского района: «Хотя население испытывало гнет большевизма, но нужно бы ожидать благодарного отношения к Комитету членов Учредительного собрания и его представителям, однако наблюдается обратное»⁷⁰.

Накануне прихода в волости власти Комуча крестьяне столкнулись с началом реквизиционной политики большевистского режима, сопровождаемой насильственными эксцессами (но и то не везде⁷¹). Но при

в этом они не видели немцев, а самое главное - помещиков и покушений на переданные им земли. С приходом к власти Учредительного собрания крестьянин повсеместно встретился с карательными отрядами из чехов, хорват, сербов (не случайно прибытие агитаторов Комуча в ту или иную деревню, в ту или иную волость нередко начиналось с долгого убеждения жителей старостой или председателем в том, что «это не чех» и «прибыл без отряда»). Встретился с нагайками казаков Дутова. Столкнулся с прибывшим для мобилизации на военные нужды лошадей офицером Народной армии В. Г. Шапроном, который в первую голову реквизировал лошадей, ранее принадлежащих ему и его родственникам Наумовым⁷². Столкнулся со своим бывшим помещиком прапорщиком Народной армии Агеевым, прибывшим вместе с мобилизационно-карательным отрядом и грозящим застрелить крестьян⁷³. Комуч же, вместо практического разрешения проблем, все более делал ставку на сглаживание ситуации усиленной пропагандистской деятельностью. Наконец, не выдержав очередного предписания центра от 11 сентября 1918 г. «сгладить впечатление» от пребывания карательного отряда в селе Покровке, заведующий Бузулукским отделением агитационного культурно-просветительного отдела В. Попов прямо ответил: «Если карательный отряд в Покровке вел себя так же, как и в Утевке⁷⁴, то «сглаживать» созданное там впечатление довольно трудно, если не совсем невозможно, какому угодно оратору»⁷⁵.

Крестьянин сделал окончательные выводы. Быть представителем новой власти, агитировать за нее, проявлять к ней сочувствие или исполнять ее распоряжения стало просто опасно для жизни. Отнюдь не исключение, например, ситуация в волостном селе Малый Толкай Бугурусланского уезда. Агитатор Комуча М. Бруяк сообщал 22 августа, что жители его «крайне враждебны к существующему порядку и не дадут солдат»; «за то, что председатель и секретарь отослали их списки, они им грозят самосудом». На сходе «раздавались крики об убийстве председателя, секретаря волостного правления и меня». Часть «розданной литературы была уничтожена на месте». Более того, в селе спокойно проживают большевистские деятели⁷⁶. Данная картина станет куда более впечатляющей, если знать, что в селе имелась организация партии социалистов-революционеров, пользующаяся определенным авторитетом⁷⁷.

В Малом Толкае обошлось без жертв, но угроза жизни агитатору была абсолютно реальной. Общеизвестным фактом является, скажем, смертельное ранение на сходе в селе Сухоречье Бузулукского уездного уполномоченного С. И. Цодикова. Направленный в уезд с пропагандистской целью И. С. Тимошин сообщал по прибытии на место члену Комуча П. Г. Белозерову, что несколько волостей, «окаймляющих Бузулук», собирались на съезд и вынесли постановление о неподчинении; что

невооруженным агитаторам являться сюда «небезопасно, т.к. были случаи нападения со стороны большевистски настроенных крестьян»⁷⁸.

Если в деревнях имелись ушедшие добровольцами в Народную армию, то их родные слышали теперь откровенные заявления, что «если бы знали, что они так поступят, то убили бы»⁷⁹. Насильственно мобилизованные отвечали все более нарастающим дезертирством⁸⁰. В селах губерний в массовом порядке стали организовываться отряды самообороны и партизанские отряды, оказывающие действиям власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания прямое вооруженное сопротивление. Приступил крестьянин и к «хлебному бойкоту».

Частично последний имел экономические корни. Крестьянин столкнулся с молниеносно родившимся с отменой хлебной монополии организованным спекулянтом-перекупщиком, который, подрывая сезонные и рыночные механизмы, перепродавал продовольственные товары городскому населению по весьма взвинченной цене⁸¹. Приобретал же их у крестьян, понятно, по ценам крайне заниженным. К тому же обесценившийся рубль мало привлекал деревню. Ей были необходимы промышленные товары, которых она не получала. В данной ситуации крестьянство предпочитало превращать хлебные излишки в «самогонную валюту», а не продавать⁸².

Однако первопричиной «хлебного бойкота» все же был политический аспект. Если мы вспомним карательный отряд, стотысячную контрибуцию за использование помещичьей земли и взятие под арест убранного с нее урожая, то становится абсолютно понятным постановление общего собрания жителей села Колывань от 25 августа 1918 г., запрещавшее «всем гражданам с. Колывани вывоз зернового хлеба, муки, сена и прочих продуктов в г. Самару впредь до особого на то распоряжения общего собрания». Нарушители и неисполнители постановления подлежали «наказанию всего собрания»⁸³.

Ситуацию можно было, конечно, пытаться объяснять некоторыми военными неудачами и отсюда опасением крестьянства возврата красных и возможных расправ за «прошлые грехи». Но разве не объясняется нарастание этих неудач во многом теми позициями, что все более активно занимало село в отношении Комуча (отказ давать солдат, отказ давать продовольствие, военные столкновения и т.п.)? И разве не зависели эти позиции от крестьянской политики Комитета?

Не состоятельными видятся попытки деятелей Комуча объяснить враждебные действия крестьян остатками в их сознании «неизжитого большевистского угары». Несомненно, в деятельности большевиков на селе к осени 1918 г. наметились явная активизация и успех. Но это скорее следствие, а не причина, бурного нарастания в деревне просоветских настроений. Крестьянство стало теперь все чаще вспоминать,

что землю ему «дали большевики». Отчитываясь о своей поездке в начале сентября по Бугурусланскому уезду, агитатор Л. Покровская писала о крестьянских настроениях: «Земельный вопрос больше всего их интересует и по их мнению эту землю дали им большевики». Правда, оговорилась: «Но это мнение, положим, не всех»⁸⁴. Однако оговорка лишь подчеркивает смену ориентиров деревни в сторону Советской власти и большевиков: еще вчера отождествляемые многими крестьянами с понятием «насильники», теперь они воспринимаются скорее как благодетели. Более того, многие уже с нетерпением ожидают их возвращения и даже готовы ему содействовать. Так, крестьянство окрестностей Иващенково (ныне г. Чапаевск) в связи с отобранием у него земель обращается к Советской власти с просьбой «прислать сотню красноармейцев» и обещает «восстать до единого и пойти на Иващенково и Самару»⁸⁵. А жители упомянутой ранее Колывани, не дав, по свидетельству участников событий, власти Учредительного собрания «ни одного солдата, ни одного пуда хлеба, ни одной повозки и упряжи», с вступлением в село Интернационального полка Чапаевской дивизии тут же добровольно собрали и передали ему 260 пудов хлеба, 140 пудов картофеля, 12 голов рогатого скота, 70 овец, 60 пар валенок, 130 пар варежек и предоставили 80 подвод⁸⁶.

На протяжении всего исследования автор сознательно уклонялся от характерного для советской историографии классового подхода, четко расчленяющего при анализе крестьянство на бедняцкую и зажиточную части. Факты свидетельствуют, что выявленная эволюция настроений была присуща не только бедноте, но и вполне состоятельному крестьянину. Показательна в этом плане ситуация в Николаевском уезде. По своему социальному составу он был «середняцким и выше» (наделы здесь в селах составляли по 19 десятин земли на душу). К моменту наступления Красной армии на Самару крестьянское население уезда сформировало части, которые «не только вели оборону своего уезда» от казаков и чехов, но «одновременно сумели от обороны перейти к наступлению и помочь советским красноармейским войскам в отношении взятия Самары»⁸⁷.

Анализ выявляет явную эволюцию в социально-политических настроениях крестьянских масс и в их отношении к идеям и практике эсеровского «третьего пути». Преимущественно нейтрально-выжидательные позиции, а иногда и теплые отношения к приходу новой власти (больше, чем негативных) к осени 1918 г. окончательно переходят у подавляющей части крестьянского населения в стадию враждебности и смешению акцентов в пользу советского лагеря. Прекрасно заметно при этом, что крестьянские настроения формируются не столько из мировоззренческих и идейных убеждений, сколько как реакция на практи-

ческую политику режима касательно наиболее затрагивающих интересы крестьян вопросов их бытия⁸⁸. При этом крестьянство явно негативно относилось к самой идее гражданской войны, воспринимая ее как чуждую узкопартийную расплю.

Выявленная на примере отношений деревни с Комучем ситуация заставляет усомниться в справедливости распространившегося на сегодня представления о крестьянстве как отдельном самостоятельном лагере гражданской войны. Понятие «лагерь гражданской войны» подразумевает определенное идейное и программное единство, определенную организованность и, вне сомнения, активное стремление к практическим вооруженным действиям для воплощения своих идеалов. Но перед нами предстает иная картина. И к практике вооруженных действий крестьяне переходят принудительно. Налицо либо прямое принуждение, когда противоборствующие силы осуществляют мобилизации, явно отвергаемые деревней. Либо действует косвенное принуждение, когда крестьянство берется за оружие и начинает склоняться к какой-либо из сил (или против всех) в качестве реакции на проводимую режимом политику и методы ее осуществления в отношении жизненно важных для села интересов (земельный вопрос, снабжение промышленными товарами и т.п.).

Все это говорит о необходимости дальнейших серьезных исследований проблематики взаимоотношений крестьянского населения со всеми противоборствующими силами гражданской войны начала XX в., тщательного изучения их крестьянской политики, включая не только антибольшевистские вариации, но и систему «крестьянство - Советская власть». Возможно даже, более этот аспект проблемы, учитывая, что большевистская альтернатива оказалась победителем в аграрно-крестьянской России. И рассмотрение этого необходимо осуществлять не на основе политической конъюнктуры, не путем смены оценочных знаков, а на основе методов подлинного научного исторического исследования, на основе комплексного (а не выборочного) вовлечения в оборот фактического материала.

Примечания:

1. Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.-Л., 1927; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. Л., 1970; Калягина И.Е. Самарский Комуч: иллюзии // реальность // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Доклады // сообщения к межвузовской конференции. Ноябрь 1991 г. Самара, 1991; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918 - 1919 гг.). Куйбышев, 1974; Попов Ф. Чехословакий мятеж и Самарская учредилка. - 2-е изд.,

испр. и доп. М.- Самара, 1933; Он же. За власть Советов: Разгром Самарской учредиловки. Куйбышев, 1959 и др.

2. Троцкий В. Революция 1917 - 1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Т.2. Самара, 1929.

3. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. (Далее: Попов Ф.Г. 1918 год).

4. Сазонов В.В. У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине// Вопросы истории. 2001. №4; Чуканов И.А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918 - 1921 годы // Там же. №3.

5. Наше Отечество (Опыт политической истории). Ч.2.М., 1991. С.54-55.

6. В первые дни прихода к власти дни Комуча ситуация с хлебным подвозом из деревни стала улучшаться. Однако продолжалось это недолго. Уже 9 июля меньшевистская газета «Вечерняя заря» констатирует: «Ссыпка муки на элеватор, за отсутствием привоза, совершенно прекратилась» (Вечерняя заря. 1918. 9 июля). Страда? Но вот она закончилась, а мы все также читаем печальное сообщение, что «хлебный привоз сократился до минимума», а цены в очередной раз возросли на 10% (Там же. 17 сент.). И на протяжении всего периода учредиловской демократии они держались на муку в 1,5 - 2 раза выше цены, указанной авторами «Нашего Отечества» (См.: Калягин А.В., Парамонов В.Н. «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995. С.15).

7. ГАСО. Ф.Р-532. Оп.1. Д.1. Л.1, 12-12 об.; Д.5. Л.8.

8. В конце сентября «Вечерняя заря» сообщала населению Самары о прибытии очередной партии зерна, закупленного французской военной миссией и сданной на мельницу Башкирова: «Самара этой мукой обеспечена на месяц» (Вечерняя заря. 1918. 24 сент.). Было доставлено 15 тыс. пудов муки и 185 тыс. пудов зерна (ГАСО. Ф.Р-532. Оп.1. Д.5. Л.67). Не эти ли пуды имели в виду авторы «Нашего Отечества»?

9. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.6. Л.14-14 об.; Д.12. Л.32.

10. Материалы «должны поступать сначала в губернские и Центральное отделения, которые и будут давать сведения в газеты» (Там же. Д.7.Л.33-34).

11. Троцкий В. Указ. соч. С.133, 163.

12. Автором использован не изданный, а рукописный вариант хроники Блюменталя, сохранившийся в фондах Истпарта (ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1.Д.239).

13. Вечерняя заря. 1918. 5 сент.

14. В возвании Комуча к населению прямо читаем следующее откровение: «Мы видели, что меньшевистская власть, прикрываясь великими лозунгами социальной революции, в действительности вела нас неуклонно и твердо к полному порабощению и самодержавию, возглавляемому немецким императором» (ГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.3. Л.1).

15. Классическим примером может служить реакция на резолюцию собрания жителей мещанского поселка Самары с выражением негативного отношения к «братоубийственной войне» и отклонением мобилизации: «Центральный совет кварталов, рассмотрев протокол общего собрания жителей 50 - 55 кварталов от 4 сего июля и приписывая состоявшееся решение ошибке или непониманию

момента и ответственности граждан за агитацию против мобилизации, предлагает в трехдневный срок пересмотреть настоящий опрос, сообразуясь с опубликованным по данному вопросу приказом Комитета членов Учредительного собрания» (ГАСО.Ф.Р-1898.Оп.2.Д.2.Л.271,272).

16. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1. Д.246. Л.2-4.

17. Известно, что значительная часть большевиков Самарской губернии во главе с В.В.Куйбышевым примыкала к платформе группы «левых коммунистов» в РКП(б), что и отражалось в практической деятельности (подр. о левокоммунистических позициях см.: Калягин А.В. Гражданская война в России. 1917 – 1920. Самара, 2002. С.15-17).

18. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1. Д.258. Л.101-102.

19. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.17. Л.20-20 об.

20. Там же. Д.14. Л.8.

21. Там же. Л.5-5 об.

22. Там же. Ф.Р-402.Оп.1. Д.4. Л.93.

23. Например, инструктор по организации Народной армии И.Ф.Бобров, сообщая о состоявшемся в селе Кошки районном съезде делегатов от 9 волостей, отмечает, что почти во всех этих волостях красноармейцы забирали или пытались забрать хлеб, что это приводило даже к вооруженным столкновениям; что население их очень пострадало от красноармейцев и «отношение к большевикам враждебное». Но «приказы о призывае и мобилизации лошадей выполнялись не очень охотно, благодаря некоторым шептунам» (Там же. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.10. Л.3-4 об.).

24. Там же. Д.10. Л.21; Д.12. Л.20.

25. «Необходимо закрепить за вами завоеванную революцией землю, необходимо пустить в ход фабрики и заводы, дабы рабочие не умерли с голода, а вы имели бы необходимые для вас сельскохозяйственные орудия, мануфактуру и проч.» (Там же. Д.8. Л.1).

26. Там же. Д.12. Л.3-3 об.

27. Там же. Л.5 об.

28. Там же. Л.16 об.

29. Там же. Д.13.Л.1.

30. Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918.6 сент.; Вечерняя заря. 1918.5 сент.; Приволжская правда. 1918.26 сент.

31. ГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.4. Л.84-84 об.

32. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.10. Л.9 об.

33. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.12. Л.2.

34. Там же. Д.11. Л.3.

35. К примеру, агитатор 3-го района Бугурусланского культурно-просветительского отдела Муртаза Каюмов, сообщая, что по всем инородческим селам (за исключением двух) отмечается признание правительства и покорность мобилизации, завершал: «Все мусульманское население просят равных прав с русскими» (Там же. Д.12. Л.18-18 об.).

36. Там же. Д.11. Л.9 об.

37. Попов Ф.Г. Тревожные годы // Боевое прошлое: Воспоминания. Куйбышев, 1958. С.227.

38. Например, 20 июня 1918 г. съезд представителей 12 волостей в селе Заплавном Бузулукского уезда постановил не выдавать мобилизованных в Красную армию до решения чрезвычайного крестьянского съезда (См.: ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1. Д.239. Л.34).
39. ГАСО. Ф.Р-402. Оп.1. Д.2. Л.15 об., 16; Всероссийское Учредительное собрание: Стенограф. отчет. Репринт. изд. Киев, 1991. С.96.
40. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.42. Л.43.
41. Там же. Ф.Р-402. Оп.1.Д.3. Л.28.
42. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1. Д.246. Л.8.
43. Приволжская правда. 1918. 20 сент.
44. Постановлением Комуча «Об использовании частновладельческих посевов, которым все посевы остаются за посевщиками» объявлялось: «Весь хлеб, посеянный частными владельцами и арендаторами, предназначается для нужд государства» (ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.42. Л.44 об.).
45. Там же. Ф.Р-532. Оп.1.Д.1. Л.3.
46. Там же. Л.2.
47. Там же. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.12. Л.5.
48. Там же. Л.6-6 об.
49. Там же. Л.5 об.
50. Например, в отчете Абдулинского агитационного подотдела от 7 августа 1918 г. читаем: «В настоящее время все управы заняты дележом земли под пар, причем за руководство не принимается приказ 34 и постановления крестьянских съездов, а постановлением сходов, что и проводят в жизнь. Земельный закон в каждом селе понимается по-своему и решается как кому выгодно» (Там же.Л.3 об.).
51. Документы по истории гражданской войны в СССР. Т.1.М., 1940.С.339.
52. Там же. С.340.
53. Громадное имение Ушкова в Ставропольском уезде было продано французской фирме за 12 млн. руб. За такую же сумму одному французскому банку было реализовано поместье графа Орлова-Давыдова. Здесь крестьяне обрабатывали около 68 тыс. десятин земли, но теперь эти земли отбирались (Приволжская правда. 1918. 20 сент.; Попов Ф.Г. За власть Советов. С.134; Он же. 1918 год С.161).
54. Вечерняя заря. 1918. 26 июля.
55. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.11. Л.9.
56. Там же. Д.12. Л.15.
57. Там же. Д.8. Л.8.
58. «Деревня стала неузнаваема. В рабочую пору, когда все население в мирное время было занято обычным трудом, народ митингует. На собраниях, сходах ставятся и обсуждаются в большинстве случаев беспорядочные вопросы: за Советы или за Учредительное собрание; давать или не давать призывающих в Народную армию. Яд большевизма проник глубоко в душу народной жизни, расстроив в ней все здоровое и выявив в человеке одни эгоистические стремления». И констатировал: «Настроение народа меняется» (Там же. Д.10. Л.8 об., 9 об.).
59. Там же. Л.10 об.

60. Из выступления П.Д.Климушина на чрезвычайном Самарском уездном земском собрании 19 июня 1918 г.: «Наша политика направлена на создание блока и на уничтожение тех трений, которые создались в обществе, благодаря развившейся классовой розни, и чем скорее это мы сделаем, тем вернее обеспечим себе успех» (Там же. Ф.Р-123. Оп.1. Д.9. Л.3). В обращении Комуча к крестьянству подчеркивалось, что к работе по решению их проблем «Комитет приступил в полной уверенности единения всех классов населения всей России» (Там же. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.8. Л.1).
61. Там же. Ф.Р-123. Оп.1.Д.19.Л.10-10 об.; Ф.Р-4140. Оп.1.Д.14.Л.6 об., 7.
62. Там же. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.8.Л.10.
63. Троцкий В. Указ. соч. С.129.
64. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.274. Оп.1. Д.2. Л.50 об.
65. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.10.Л.10 об.
66. Там же. Д.12. Л.20.
67. Там же.Л.21-21 об.
68. Троцкий В. Указ. соч. С.258.
69. Дворжец Я. Учредиловская эпопея (Из записок бывшего управделами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1922. 8 июня.
70. Самарская губерния в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.): Документы и материалы. Куйбышев, 1958. С.34.
71. В Кандабулакской волости «при Совете не было никаких безобразий в управлении волости» (ГАСО. Ф.Р-123. Оп.1. Д.19. Л.11). Архангельская, Толкаевская, Полудневская, Кинель-Черкасская, Ключевская, Пригородная, Сарбаяевская волости - «здесь большевики не очень безобразничали» (Там же. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.12. Л.23 об.).
72. Там же. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.11.Л.12.
73. Там же. Д.12. Л.6-6 об.
74. В селе Утевка, отказавшемся дать солдат в Народную армию, карательный отряд жестоко высек 30 чел., в том числе и беременную женщину. Заместителя председателя волостного Совета С.М.Проживина и помощника комиссара Погроминского сельскохозяйственного училища В.С.Пудовкина после пыток закололи штыками (Попов Ф.Г. 1918 год ... С.196).
- 75.ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.13.Л.8.
76. Там же. Д.12. Л.15-15 об.
77. Там же. Л.23.
78. Там же. Д.13. Л.1.
79. Там же. Д.14. Л.7-7 об.
80. Всего за неделю (с 10 по 17 сентября 1918 г.) только из Самарской стрелковой дивизии дезертировало 995 чел., а с момента начала принудительной мобилизации из дивизии бежали 1.950 мобилизованных (Попов Ф.Г. За власть Советов. С.138).
81. Гласный Самарской городской думы В.С.Гошен на заседании 3 июля 1918г. иронично заметил: «Молоко зимою было 7 руб. четверть, когда скот не был на

подножном корму и сено стоило 20 с лишним руб. пуд, и теперь, когда скот на подножном корму, молоко дешевле не стало» (ГАСО. Ф.Р-123. Оп.1. Д.7. Л.5).

82. В отчете заведующего Абдулинским районным агитационным культурно-просветительным отделом читаем, что крестьяне, например, деревни Нижний Курляй жалуются, что у них «хлеба нет». «Ничего удивительного нет! Нет ни одного дня, чтобы не курился дымок в этой деревне местах так в двадцати-тридцати (говоря скромно). Это идет курение самогонки. «Хлеба у них мало, как говорят мужики, но денег миллионы!» (Там же. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.43. Л.1 об.).

83. Самарская губерния в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). С.61.

84. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.12.Л.24.

85. Приволжская правда. 1918. 20 сент.

86. Лаухин И.П., Родионов М.П., Голодяевский В.И. Крестьяне против учредилки // Боевое прошлое. С.121.

87. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп.1.Д.240. Л.64-65.

88. Вывод подтверждает и захват части губернии войсками Колчака. Очевидец описывал появление в Бузулукском уезде в апреле 1919 г. колчаковцев, когда метод продразверстки «стал охлаждать энтузиазм крестьян». Пришли в худых валенках, оборванные, грязные, усталые и недовольные, отобрали лошадей и коров, данных крестьянам исполкомами. «Полный произвол и разгул пыток. Крестьяне уже не пищат. Золотая рота, разгуливая по селам, нахально снимали сапоги с мужчин, платки и полуушалки с женщин. Начальство с улыбкой позволяет мародерствовать. Только теперь крестьяне поняли, кто их друг и кто враг. Не прошло 4 недели, как завопили: «Да когда придет Красная армия» (Там же. Д.246. Л.9 об.).